

приемы красноречия, что он пользуется ими, дабы говорить с гуманистами на их собственном языке. Укажем еще на удаль и отвагу некоторых пассажей в «Трактате против Романа о Розе» (1402), на диалог «Какого Сократа вводит и постигает Платон» («Qualem Plato Socratem introducens tenuit»), «Сборник молитв «Славься»» («Collectorium super Magnificat», 1426—1427) или даже на умение создать своего рода теологический противовес «Утешению философией» Боэция в «Утешении теологией» (1418), где сохранены все метры, которыми пользовался Боэций. Это — маленький метрический подвиг; сколько же тех, кто исключает Жерсона из истории гуманизма, были бы способны в наше время повторить этот подвиг? Но у Жерсона речь идет не о литературном вкусе — для него это все еще проблема вероучения. Как и у всякой научной дисциплины, у теологии есть свой «modus significandi» или, скорее, — поскольку она есть царица наук, — теология может использовать modi significandi всех наук, лишь бы она обращала их к своей собственной цели, которая заключается в

565

## 2. Возвращение литературы во Франции

убеждении душ в истинности Священного Писания. А убеждение исходит преимущественно из красноречия и настоятельно требует его, поэтому долг представителя понимаемой таким образом теологии — быть красноречивым.

Итак, не нужно удивляться наличию в ту эпоху во французских кругах теологов, чья манера толковать свою науку побуждает развивать красноречие и читать древних авторов, о которых они учат. Один из них, Никола де Клеманж (Clemangis, Clamanges, ум. в 1437)\* даже прямо требовал почестей за то, что возглавил это движение. Учась в Парижском университете, в коллеже св. Жене-вьевы, лицензиат искусств, удостоенный этой степени в апреле 1380 г., он получает затем степень бакалавра теологии, но по сугубо личным причинам, связанным с его весьма углубленной религиозной жизнью, не стремится к докторской степени. 16 ноября 1397 г. папа Бенедикт XIII пригласил Кле-манжа в Авиньон на должность скриптора. Когда он принял это предложение, ему было около 42 лет. Пребывание в Авиньоне (длившееся десять лет) наступило слишком поздно, чтобы повлиять на литературные пристрастия Клеманжа, — скорее, оно сказалось на его заботе о стиле. Один инцидент, который произошел как раз в то самое время, проливает свет на этот вопрос и еще на один, даже более важный.

В одном из своих «старческих писем» Петрарка утверждает, что бесполезно искать поэтов и ораторов за пределами Италии («oratores et poetae extra Italiam non quaerantur»). Кардинал Галеотто ди Пьетра-мала процитировал этот текст в письме Кле-манжу, а последний познакомил с ним Жана де Монтрея (ок. 1354—1418), который энергично запротестовал против такого утверждения. Но Клеманж сам ответил Петрарке, ибо он глубоко восхищался им и теперь почувствовал себя ущемленным. По сути Петрарка лишь утверждал, что ораторское искусство и поэзию преподают в Италии больше, чем в других странах; но Клеманж пи-

шет: «Я отвечаю, что и в других странах этому уделяется много времени. Я сам видел, как преподают риторику Цицерона в Парижском университете: часто на публичных лекциях и так же нередко — во время частных уроков (Vidi ego in studio Parisiaco saepe Tullianam publice legi Rhetoricam, saepe etiam privatim), иногда также преподают риторику Аристотеля (nonnunquam etiam Aristotelicam) и самых крупных и лучших поэтов — Вергилия и Теренция (poetaeque summi et optimi Virgilius atque Terentius illic etiam saepe leguntur)». Эти слова полностью подтверждают сказанное в 1375 г. Петром из Альби,